

Т. А. Моисеева

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ФРИГИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В VIII — НАЧАЛЕ VII в. до н.э.

Определение характера государственного образования, именуемого античными авторами Фригией и тождественного царству Миты Мушкского ассирийских текстов конца VIII в. до н.э., относится к числу наименее изученных вопросов истории Малой Азии первой половины I тыс. до н.э. Большинство публикаций о Фригии представляет собой издание нового археологического и эпиграфического материала или конкретные исследования отдельных аспектов фригийской истории и культуры¹. Типологическая сущность фригийской государственности в такого рода работах остается, как правило, вне поля зрения их авторов².

В немногих же обобщающих трудах о древней Анатолии и собственно Фригии, в частности принадлежащих таким крупным западным историкам, как А. Гетце³ и Р. Д. Барнетт⁴, фригийское общество определяется терминами и понятиями, ассоциирующимися с феодализмом. При этом «феодальный» характер Фригийского государства постулируется без сколько-нибудь обстоятельного теоретического и источникового обо-

¹ Исчерпывающий библиографический перечень исследований о Фригии доэллинистического периода занял бы слишком много места, поэтому ограничимся ссылкой на список трудов Р. С. Янга, возглавлявшего раскопки Гордиона с 1950 по 1974 г.: *From Athens to Gordion. The Papers of a Memorial Symposium for Young R. S. Philadelphia, 1980*, р. XVIII—XIX. В 1981 г. появился первый том итоговой публикации археологических материалов, полученных экспедицией Музея Пенсильванского университета в Гордионе: *The Gordion Excavations. Final reports. V. 1. Pennsylvania, 1981*; рец.: *Моисеева Т. А.* — ВДИ, 1984, № 2, с. 198—204. Особо следует отметить выход в свет самого полного и научно достоверного издания известных «старофригийских» надписей: *Brixhe C., Lejeune M. Corpus des inscriptions paléophrygiennes. P., 1984*. См. об этом издании: *Mellink M. J. Archaeology in Anatolia.* — *AJA*, 1985, v. 89, № 4, p. 559 f.

² Не дает ответа на вопрос о характере Фригийского государства и Кейс Де Вриз, автор очень содержательной статьи, посвященной сравнению исторического развития фригийцев и греков в VIII в. до н.э.: *Greek and Phrygians in the Early Iron Age.* — *In: From Athens to Gordion...*, p. 33 f. Ему принадлежит первая серьезная попытка систематизации и интерпретации археологических данных, проливающих свет на социально-экономическое и политическое развитие Гордиона в докimmerийский период, на рубеже VIII—VII вв. до н.э. Но в своих выводах Де Вриз ограничился наблюдением о том, что раскопки Гордиона засвидетельствовали факт существования в период, когда у греков Ионии оформлялся гомеровский эпос, реального анатолийского общества, имевшего черты сходства с общественными отношениями, описанными в поэмах Гомера (с. 42).

³ *Goetze A. Kleinasien. München, 1957, S. 203.* В рецензии на этот труд, принадлежащей Т. В. Гамкрелидзе, Г. Г. Гиоргадзе и Э. А. Менабде, справедливо отмечено, что «при рассмотрении вопросов государственной и социальной структуры А. Гетце полностью стоит на позициях буржуазной методологии. Он не знаком с положениями советской исторической науки относительно существования рабовладельческого строя в древневосточных государствах» (ВДИ, 1961, № 3, с. 151).

⁴ *Barnett R. D. Phrygia and the Peoples of Anatolia in the Iron Age.* — *САН*, v. II, pt. 2, Cambr., 1975, p. 427.

снования как результат вторжения воинственных пришельцев, всадническая знать которых, частично слившись с анатолийским жречеством, образовала слой крупных земельных собственников-феодалов, установивших свое господство над местным земледельческим населением. Точка зрения о фригийском обществе как «феодальном» априори распространяется и на интерпретацию вновь получаемого археологического материала. Так, Г. Ханфманн в одной из своих недавних работ, сравнивая докиммерийский Гордион с Сардами, говорит о первом как о центре сильной феодальной власти и патриархальной гомеровской жизни⁵.

В советской науке вопрос о характере Фригийского государства VIII — начала VII в. до н. э. не становился предметом специального исследования. Но принципиально важно, что советские ученые, в первую очередь И. М. Дьяконов, наметили подход к истории Фригии как закономерному этапу развития рабовладельческого общества на территории Малой Азии⁶. Реализуя этот подход, мы попытаемся представить генезис Фригийского государства и реконструировать его социально-экономический и политический облик в докиммерийский период, опираясь преимущественно на данные источников, относящиеся к Гордиону, который до настоящего времени остается наиболее изученным центром фригийской государственности.

Обращаясь к тающемуся в «темных» веках рубежа II — I тыс. до н. э. и не поддающемуся пока точной датировке началу фригийской истории⁷, мы сталкиваемся с бытующим в работах о Фригии упрощенным представлением о самом механизме возникновения этого анатолийского государства и этногенезе его создателей. Так, основным фактором, обусловившим появление Фригийского государства, считается переселение в Малую Азию на рубеже II — I тыс. до н. э. воинственных пришельцев из Европы. Данная трактовка происхождения фригийской государственности восходит к концу XIX в. и присутствует в работах В. Рамзея, который видел во фригийцах первых известных тогда носителей ин-

⁵ *Hanfmann G. M. A. On Lydian Sardis.* — In: *From Athens to Gordion...*, p. 107. При этом Г. Ханфманн ссылается на работу: *De Vries. Op. cit.*

⁶ *Дьяконов И. М.* Урарту, Фригия, Лидия. — В кн.: *История древнего мира*. Кн. 2. Расцвет древних обществ. М., 1982, с. 61—66.

⁷ Согласно «Илиаде», фригийцы обитали в Малой Азии задолго до Троянской войны. Но едва ли можно воспринимать эту информацию как достоверную датировку. Ее следует интерпретировать лишь как указание на то, что жители Фригийского государства при Сангарии воспринимались греками как коренной малоазиатский этнос. Не исключено, что в представлении греков о фригийцах могли синтезироваться сведения о различных периодах истории населения долины Сангария, в том числе и относящиеся ко II тыс. до н. э. (см. об этом подробнее: *Моисеева Т. А.* К интерпретации историко-географических представлений о Фригии в гомеровском эпосе. — ВДИ, 1985, № 3, с. 69 сл.). По Ксанфу Лидийскому (FGhN, № 765, fr. 14), фригийцы переселились из Европы в Малую Азию только после Троянской войны. На это противоречие было обращено внимание уже в античности (*Strabo*, XIV, V, 29). Возможно, здесь найдено отражение многозначность термина «фригийцы» в античной традиции (ср. *Дьяконов И. М.* Фригийский язык. — В кн.: *Древние языки Малой Азии*. М., 1980, с. 365).

Не позволяют однозначно определить начало истории Фригийского государства и археологические материалы Гордиона, ибо нет возможности точно датировать здесь ни самую раннюю, «фригийскую» керамику (т. е. первую керамику раннего железного века), ни самую позднюю, «субхеттскую». Период же их сосуществования охватывает примерно временной промежуток между XII—X вв. до н. э. (*Young R. S.* *Gordion. A Guide to the Excavations and Museum*. Ankara, 1975 (далее — *Gordion...*), p. 13). Не дают надежной хронологической идентификации начала истории фригийцев и лингвистические наблюдения (см., в частности, *Дьяконов И. М.* Типы этнических передвижений в ранней древности с конца IV по начало I тыс. до н. э. — В кн.: *Древний Восток*. Вып. 4. Ереван, 1983, с. 19). Самые ранние памятники фригийской письменности относятся приблизительно к концу VIII в. до н. э. Привлечение же данных восточных текстов (поздехеттских клинописных, ассирийских) для определения начального рубежа фригийской истории имеет второстепенное значение, ибо предполагает предварительное обоснование правомерности соотнесения с фригийцами Гордиона упоминаемых в этих источниках мушков и подданных правителя Миты из Паххувы.

доевропейских языков в Анатолии, отождествлявшихся им с исторически прогрессивными представителями «европейского» духа и «патриархального» пути развития⁸. Возникновение и история Фригийского государства, по В. Рамзею, — результат завоевания и конфликта носителей различных этнических («расовых» у Рамзея) и религиозных начал. Сначала «патриархальные» европейцы-фригийцы устанавливают свою власть над «матриархальным» анатолийским населением, оказывая тем самым большое влияние на развитие малоазийской истории и государственности, но затем, вынужденные смешиваться путем браков с местным населением, со временем теряют свою воинственность и воспринимают малоазийскую религию с ее развитым культом Великого женского божества.

Эта гипотеза В. Рамзея безнадежно устарела теоретически. Отражает она и ограниченную источниковую базу (скудные данные фригийского языка и вырезанные в скалах монументы Горной Фригии)⁹, которой располагала европейская наука для решения вопроса о начале фригийской истории в конце XIX в. Но ряд положений данной гипотезы априорно сохраняется и в современных публикациях о Фригии.

Это относится и к самому полному на сегодняшний день обобщающему обзору истории Фригии, принадлежащему Р. Д. Барнетту¹⁰. По его мнению, когда после падения Хеттской державы и разрушения Хаттусы «занавес поднялся вновь», Центральная Анатолия оказалась под властью воинственной всаднической аристократии вторгшегося этноса, известного грекам на западе со времени Гомера как фригийцы, а ассирийцам на востоке — как мушки и Табал (с. 417). Как археологическое свидетельство прихода в Малую Азию фригийцев и мизийцев Р. Д. Барнетт считает возможным с большой долей вероятности рассматривать появление грубых, сделанных без гончарного круга керамических изделий в Трое VIIb2 и Гордионе (с. 418). Район самого раннего обитания фригийцев в Анатолии локализуется Р. Д. Барнеттом близ последнего изгиба реки Сангарий, откуда они за короткое время (очевидно, в пределах XII в. до н. э.) растекулись по западной части Анатолийского плато, частично изолировав лувийцев в Лидии и Ликии, частично изгнав их за Тавр и поглотив остальных. Уровень социального развития фригийцев-пришельцев определяется как полукочевой, с их вторжением связывается разрушение Бейчесултана около 1000 г. до н. э. и более чем вековой перерыв в жизни на Центральном плато (с. 418).

Р. Д. Барнетт допускает, что мушки-фригийцы могли быть союзниками касков в разгроме Хеттского государства, и истолковывает упоминание в новохеттских клинописных текстах враждебного хеттам правителя Паххуву Миты как указание на то, что фригийско-мушские атаки «уже тогда имели место на восточных границах при раннем носителе в последствии знаменитого царского фригийского имени» (с. 420). Не замечая противоречия с ранее высказанным тезисом о длительном перерыве в развитии цивилизации в центре Малой Азии после падения Хеттской державы, Р. Д. Барнетт говорит о существовании уже в период XII — IX вв. до н. э. «Фригийской империи», представлявшей собой федерацию или коалицию племен, в которой фригийцы были западным элементом со столицей в Гордионе, а мушки — восточным (с. 421—422).

⁸ См., в частности, *Ramsay W. M. The Cities and Bishoprics of Phrygia, Being an Essay of the Local History of Phrygia from the Earliest Times to the Turkish Conquest. V. 1. pt. 1. Oxf., 1985, p. XV, 7—9.*

⁹ О состоянии изученности памятников Фригии и фригийского языка к началу XX в. см.: *Ruge W., Friedrich J. Phrygia.* — RE, XX, Sp. 781—894; *Haspels C. H. E. Western Cognizance of Inner Phrygia in Earlier Days.* — In: *The Aegean and the Near East. N. Y., 1956, p. 313—322; Нерознак В. П. К изучению фригийского языка: проблемы и результаты.* — В кн.: *Древний Восток. 2. Ереван, 1976, с. 165 сл.*

¹⁰ *Barnett. Op. cit., p. 417—442.*

Такова картина возникновения Фригийского государства, реконструируемая в современных исследованиях¹¹. Обращает на себя внимание эклектичность в сопоставлении разнородных и даже противоречивых источников данных, обусловленная в значительной степени приверженностью к априорной схеме генезиса Фригийского государства как результата миграции нового этноса — фригийцев, которые якобы принесли в Малую Азию социальный строй, характеризовавшийся властью всаднической аристократии пришельцев над местным анатолийским населением¹².

При этом можно отметить явную недооценку роли в процессе возникновения фригийской государственности местного малоазиатского населения, закономерно следующую из тезиса о длительном периоде исторического регресса в центре Анатолии, который якобы имел место после разгрома Хеттского царства.

Примечательно, что вышеизложенное представление о начальном периоде фригийской истории сочетается с непоследовательным и часто произвольным оперированием самим термином «фригийцы», при котором исследователи (историки, археологи, лингвисты) обнаруживают неоднозначное понимание его историко-этнического содержания. Так, содержание понятия «фригийцы» часто ограничивается лингвистическим отождествлением именованного этноса с македонскими бригами. Явная многозначность этнонима «фригийцы» в античной традиции, как правило, игнорируется, а правомерность соотнесения информации, черпаемой из других источников, с этими фригийцами часто не обосновывается должным образом.

В результате носителями индоевропейского языка, запечатленного глоссами у античных авторов и эпиграфическими памятниками «фригийской» буквенной письменности, объявляют то фригийцев, известных Гомеру в Малой Азии до Троянской войны, то фригийцев-пришельцев, ведших полуварварский образ жизни и появившихся в Анатолии после разгрома Трои. При этом последним приписывают и участие в разрушении Хеттского царства, и долгий период «кочевания» по центру Малой Азии, и создание своеобразного варианта анатолийской государственности и культуры, пережившего свой расцвет на рубеже VIII — VII вв. до н. э. Фригийцев отождествляют и с подданными Миты из Паххувы последнего периода существования Хеттской державы, и с мушками, в XII в. до н. э. обитавшими уже на востоке Анатолии, и с одноименным народом/государством, с которым столкнулся на границах Киликии Саргон II в конце VIII в. до н. э.¹³

С фригийцами связывают разнообразные категории археологических памятников как на территории Малой Азии (в частности, так называемую «пищечную керамику» Трои слоя VIIb2, расписную «раннефригий-

¹¹ Суммированно изложенная Р. Д. Барнеттом, эта картина присутствует с разной степенью полноты во многих работах его предшественников и современников, исследующих историю Фригии, см. *Körte G., Körte A. Gordion: Ergebnisse der Ausgrabung im Jahre 1900. — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, Erg. 5. B., 1904, S. 1—27; Bittel K. Kleinasiatische Studien. Kimmerier, Phryger und Skythen in Kleinasien. — IM, 1942, 5, S. 66 f.; Goetze. Op. cit., S. 201 f.; Akurgal E. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. B., 1961, S. 6 f., 72f.; Metzger H. Anatolia II. L., 1969, p. 13 f. и др.*

¹² *Barnett. Op. cit., p. 427.*

¹³ Уже Г. Винклер (*Winkler H. Die Reiche von Cilicien und Phrygien im Lichte der altorientalischen Inschriften. — AF, 2. Reihe, B. I, Lpz. 1898, S. 135 f.*) обосновал правомерность отождествления фригийцев античной традиции именно с мушками, упоминаемыми в ассирийских клинописных текстах времени Саргона II. Историческая аргументация этой точки зрения усилена в работах И. М. Дьяконова (Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, с. 193 сл.; Фригийский язык..., с. 462). Обзор различных мнений по вопросу об этнической принадлежности мушков восточных источников и отношении мушков к фригийцам античных авторов см., в частности, в работе: *Хазарадзе Н. В. Этнополитические проблемы древней истории Грузии (Месхи). Тбилиси, 1985, с. 29 сл.*

скую» керамику Алишар IV, серую монокромную «фригийскую» керамику, расписную «новофригийскую» керамику Гордиона и др., вырезанные в скалах монументы Горной Фригии, курганные захоронения Анатолии начала I тыс. до н. э.), так и Македонии¹⁴ и даже Центральной Европы, где фригийцам приписывают лужицкую археологическую культуру, относимую к постулируемой М. Гимбутас «курганной» этнической общности¹⁵. Дискутируется и вопрос о преимущественной генетической близости фригийского языка к древнегреческому или армянскому, а также его отношение к палеобалканским¹⁶. Примером произвольного обращения с лингвистическими и другими материалами источников о Фригии является гипотеза О. Хааза о существовании трех разных фригийских языков и соответствующих им трех фригийских народностей¹⁷.

Но новейшие археологические данные из Гордиона и других центров Малой Азии, которые по имеющимся источникам можно ассоциировать с носителями фригийского языка, наглядно демонстрируют основополагающую роль местных анатолийских традиций в облике цивилизации, существовавшей здесь в раннем железном веке. Поэтому Р. Д. Барнетт в рассматривавшейся выше работе (с. 426 сл.) пытается совместить тезис о фригийцах — пришельцах из Европы, принесших в Малую Азию новый социальный строй, с признанием того, что, хотя ранняя история Фригийского государства теряется в неизвестности, есть основание считать, что, несмотря на большие перемены, это государство, в конечном счете, сохранило и вобрало в себя очень многие традиции хеттского мира, частично возникнув на руинах царства Арцава и его менее значительных соседей.

Создается впечатление, что упрощенное представление о генезисе фригийского этноса и государства мешает исследователям анатолийской археологии и истории раскрыть содержание этого процесса как диалектику взаимодействия преемственности и новации. Об этом свидетельствует, например, схема развития фригийского искусства и истории, изложенная в упоминавшихся выше работах Э. Акургала, который считал фригийцев-мушков, воинственных пришельцев из Фракии, кочевавших по опустошенной Центральной Анатолии с 1200 по 800 г. до н. э., единственными, кто в VIII в. до н. э. возродил здесь цивилизацию и государственность, и поэтому необоснованно приписывал фригийцам античной традиции восточноанатолийскую археологическую культуру раннего железного века (Алишар IV). Но и Р. Янг, убедительно показавший, что археологический материал Гордиона доказывает преимущественно анатолийское происхождение этого фригийского центра, продолжает отождествлять фригийцев с пришедшим в Малую Азию этносом. Сходную позицию в этом вопросе занимает и М. Меллинк¹⁸.

Поэтому нам кажется вполне уместным попытаться рассмотреть генезис Фригийского государства не столько как результат вторжения и завоевания этноса, пришедшего на территорию Фригии извне, а прежде всего как закономерный этап истории самой анатолийской цивилизации в эпоху перехода от ранней древности к развитию, расценивая как су-

¹⁴ См., в частности, *Hammond N. G. L. Illyris, Epirus and Macedonia in Early Iron Age.* — САН. 2^d ed., v. III, pt. 1. Camb., 1982, p. 644 f.

¹⁵ *Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe.* The Hague, 1965, p. 339 f.

¹⁶ См., в частности, *Дьяконов И. М.* Место фригийского среди индоевропейских языков. — В кн.: *Древний Восток. 2.* Ереван, 1976, с. 158—163; *Нерознак В. П.* Палеобалканские языки. М., 1978, с. 7—20, 66 сл. и др. Следует ожидать, что появление новейшего корпуса «старофригийских» надписей позволит с большей определенностью и надежностью представить происхождение фригийского языка и этноса.

¹⁷ *Haas O. Die phrygischen Sprachdenkmäler.* Sofia, 1966; *Хааз О.* Памятники фригийского языка. — В кн.: *Древние языки Малой Азии*, с. 378—408. Критику гипотезы О. Хааза П. М. Дьяконовым см. там же, с. 370 сл.

¹⁸ *Dark Ages and Nomads c. 1000 B. C.* Ed. Mellink M. J. Istanbul, 1964, p. 52 ff.

щественный фактор процесса возникновения фригийской государственности этническую и культурно-историческую преемственность с предшествующей малоазийской историей. Для того чтобы исследование происхождения государства, именуемого Фригией, и этноса, его создавшего, имело объективную основу, надо выяснить, какая реально существовавшая этническая и социально-политическая общность могла найти свое отражение в представлении о Фригии и фригийцах древних греков и римлян, запечатлевшись одновременно в информации о фригийцах в других источниках.

По нашему мнению, под фригийцами правомерно понимать прежде всего создателей анатолийского государства первой половины I тыс. до н. э. с центром в Гордионе, факт существования и социально-политический облик которого засвидетельствованы совпадением данных античной литературной традиции, фригийской эпиграфики, археологии и древневосточных текстов. При этом следует иметь в виду, что имеющиеся в нашем распоряжении источники относительно полно освещают историю Гордиона преимущественно со второй половины VIII в. до н. э. Таким образом, этнос, создавший государственность Гордиона раннего железного века, оказывается доступным изучению в период его политического и культурного расцвета как относительно сформировавшийся. И в качестве такого он предстает как продукт достаточно длительного процесса этнического и культурно-исторического взаимодействия местного западно-анатолийского субстрата, археологически фиксируемого в Гордионе с III тыс. до н. э.¹⁹, с другими этническими компонентами, в первую очередь с носителями неизвестного в Малой Азии II тыс. до н. э. индоевропейского языка²⁰.

Примечательно, что в то время как анатолийский субстрат заявляет о себе во многих особенностях материального и духовного развития фригийского Гордиона (подробнее об этом ниже), археологически идентифицировать появление здесь носителей фригийского языка крайне сложно. Дело в том, что такие археологически фиксируемые черты этноса, населявшего Гордион в первой половине I тыс. до н. э., как монохромная полированная керамика, преимущественно серая, геометрический «фригийский» стиль росписи, подкурганые погребения докиммерийского периода, хотя и отличают фригийский период истории этого центра от предшествующего, но в том виде, в каком они до нас дошли, кажутся в большей степени развившимися на малоазийской почве, чем привнесенными в чистом виде извне.

Так, Дж. Мелларт, считающий серые, красные и черные монохромные полированные изделия единственным типом керамики, «о которой мы можем с уверенностью заявлять, что она сделана фригийцами», ибо эти керамические изделия не только встречаются, но и преобладают в том районе Малой Азии, который античные авторы считали центром Фригии²¹, подчеркивает, что, несомненно, этот тип керамики является продуктом местной анатолийской традиции²². Западноанатолийское происхождение серой монохромной керамики Гордиона предполагают М. Меллинк и Р. Д. Барнетт²³. Отношение фригийской монохромной керамики к аналогичной керамике Троады и Эолии, обнаруживающее как некоторые черты сходства, так и различия, еще недостаточно ясно²⁴.

¹⁹ См., в частности, *Young. Gordion...*, p. 12, 17 и др.

²⁰ *Young R. S. Old Phrygian Inscriptions from Gordion.*— *Hesperia*, 1969, v. 38, № 2, p. 252—296 и др.

²¹ *Mellaart J. Iron Age Pottery from Southern Anatolia.*— *Türk Tarih Kurumu. Belleten*, 1955, Cilt XIX, p. 126.

²² *Ibid.*, p. 126.

²³ *Mellink M. J. Rev.: Blegen C. W., Boulter C. G., Caskey I. L. Troy IV. Settlement VIIa, VIIb and VIII.*— *BiOr*, 1960, XVII, № 5/6, p. 251—252; *Barnett. Op. cit.*, p. 427.

²⁴ См., в частности, *Goldstream J. N. Greek Geometric Pottery. L.*, 1968, p. 378.

Не лишено вероятия предположение, что с фригийской серой монохромной керамикой связано проникновение в долину Саргария на рубеже II—I тыс. до н. э. этнического элемента из Западной Анатолии²⁵, принявшего участие в формировании фригийского этноса Гордиона.

Несомненно, что уже в Малой Азии возникла расписная (так называемая «новофригийская») керамика, присутствующая в докиммерийских слоях фригийского Гордиона, в орнаментации которой своеобразный вариант геометрического стиля росписи, отличный от греческого и иранского, сопоставляемый с орнаментом сделанной от руки керамики Западной Македонии (так называемый «Bobousti style»)²⁶, сочетается в ряде случаев с элементами анималистической орнаментации, имеющей восточное происхождение²⁷.

Что касается погребений под курганными насыпями, обнаруженных на некрополе Гордиона, Венидогана, Анкары и в других ассоциируемых с фригийцами центрах Анатолии первой половины I тыс. до н. э.²⁸, то, по мнению М. Меллинк, курганный обряд фиксируется здесь не ранее рубежа IX—VIII вв. до н. э. как вполне сформировавшийся, и его ближайший источник неизвестен²⁹. Разумеется, можно обнаружить черты сходства фригийских курганных погребений с курганными сооружениями Македонии и Евразии, как это делают М. Гимбутас, Н. Хэмонд, О. Хаас и мн. др. Но есть и существенные различия, создающие впечатление, что курганные насыпи докиммерийского Гордиона должны восприниматься скорее как социальный, нежели изначальный этнический признак. На это указывает тот факт, что рядовые фригийцы в VIII—начале VII в. до н. э. погребались в простых ингумационных захоронениях без насыпей. В курганах Гордиона нет ничего, что могло бы ассоциироваться с племенным миром Европы. Интерьер погребальных камер правителей докиммерийского времени отражает анатолийскую сакральную концепцию царской власти³⁰. Примечательно, что курганные насыпи над погребальными камерами как вероятный показатель социального престижа получили распространение в Лидии и Ликии, а также других частях Анатолии первой половины I тыс. до н. э.³¹ Следует иметь в виду и то, что захоронения разных типов под курганными насыпями были известны на Балканском полуострове и в Эгеиде по крайней мере с эпохи средней бронзы³². Поэтому курганные захоронения Малой Азии первой половины I тыс. до н. э. отнюдь не бесспорно обязаны своим появлением носителям фригийского языка, традиционно трактуемым как представители племенного мира Европы.

²⁵ А. Гюнтер, исследовавшая керамику бронзового века из Гордиона и зафиксировавшая полную стратиграфию от раннего бронзового века до поздней бронзы, отметила, что керамический материал Гордиона эпохи бронзы очень близок Богазкёю и показывает мало связей с Западной Анатолией. Это поразительно отличается от ситуации в Гордионе начала I тыс. до н. э., когда его керамика обнаруживает западноанатолийскую ориентацию (Recent Archaeological Research in Turkey.— AnSt, 1980, 30, p. 213).

²⁶ Bouzek J. The Aegean, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations in the Second Millennium B. C. Praha, 1985, p. 193 f.

²⁷ Kenneth S. Phrygian Painted Animals: Anatolian Orientalizing Art.— AnSt, 1974, 24, p. 169 f.

²⁸ См. Körte G., Körte A. Op. cit.; Young R. S. Three Great Early Tumuli. Pennsylvania, 1981 и др.

²⁹ Mellink M. J. Conclusions.— In: Young R. S. Three Great Early Tumuli..., p. 264.

³⁰ Ср. ВДИ, 1984. № 2, с. 201 сл.

³¹ Hanfmann G. M. A. Sardis from Prehistoric to Roman Times. Cambr., 1983, p. 53 f.; Mellink M. J. Local, Phrygian and Greek Traits in Northern Lycia.— RA, fasc. 1, p. 21 f. Вероятно, что здесь курганный обряд распространился под фригийским влиянием, причем преимущественно в период, когда правители Гордиона утратили роль политических гегемонов Малой Азии.

³² В частности, см. Pelon Olivier. Tholoi tumuli et cercles funéraires. Recherches sur les monuments funéraires, de plan circulaire dans l'Égée de l'âge du Bronze (III^e et II^e millénaires av J.-C.). Athènes, 1976, p. 73—115.

Свидетельством переселения фригийцев в Анатолию считают и так называемую «шипечную керамику» («Busckelkeramik» или «Knobbed Ware») Трои VIIб2³³, для которой установлены балканские и даже центральноевропейские аналогии³⁴. При этом опираются в основном на античных авторов, говоривших о фригийцах как о пришельцах из Македонии³⁵.

То обстоятельство, что Малая Азия и Балканы представляли собой на протяжении многих веков и даже тысячелетий относительно единый историко-культурный регион интенсивных этнических контактов³⁶, позволяет считать проникновение носителей фригийского языка с севера Балканского полуострова в Анатолию на рубеже II—I тыс. до н. э. вполне реальным явлением. Но версия античных авторов о македонском происхождении фригийцев отражает скорее обобщенное знание греков и македонцев V в. до н. э. о переселениях, происходивших в эпоху до и после Троянской войны из Европы в Малую Азию и в обратном направлении³⁷, чем достоверную фиксацию конкретного исторического факта появления в долине Сангария и Малой Азии вообще этнически определенной волны пришельцев с Балкан, тождественной носителям фригийского языка.

Напомним в этой связи, что приводимая Геродотом (VII, 73) этимология названия Φρύγες от балканского βρύγες не имеет под собой лингвистического основания и этноним «фригийцы» едва ли мог быть самоназванием народа, говорившего на фригийском языке³⁸. Примечательно, что у Геродота (II, 2) и других античных авторов фригийцы фигурируют не только как воинственные варвары-пришельцы из Европы, но и как народ, соперничавший в древности происхождения с египтянами и аккумуляровавший в своем образе представления греков о более древнем, чем фригийцы, населении Малой Азии. Не случайно, видимо, считались фригийцами Пелопс, Ниоба и другие персонажи греческих мифов, отражавших в своеобразной форме память о контактах греков с Анатолией во II тыс. до н. э.³⁹

В Гордионе с носителями фригийского языка, пришедшими извне, можно связать только незначительное количество фрагментов сделанной без гончарного круга черной керамики, обнаруженной в ранних послехеттских слоях Гордиона⁴⁰. Ее сближают с упоминавшейся «шипечной керамикой» Трои VIIб2, хотя в гордионской отсутствуют характерные для «шипечной» вышуклые выступы и собственно Busckel ее считать нельзя. Подобная сделанная без гончарного круга керамика известна также

³³ Blegen C. W. Troy and Trojans. N. Y., 1963, p. 169—171.

³⁴ Ibid., p. 169 f.; Hammond M. A History of Macedonia, v. 1. L., 1968, p. 318—321; L'ethnogenèse des peuples balkaniques (Symposium international sur l'ethnogenèse des peuples balkaniques. Plovdiv, 1969).— Studia balcanica, 5, Sofia, 1971, p. 85—87, 115—116.

³⁵ Попытку разбора сведений античной традиции о балканском происхождении фригийцев см., в частности, в статье: Carrington P. The Heroic Age of Phrygia in Ancient Literature.— AnSt., 1977, 27, p. 117 f.

³⁶ См., например, Bouzek. Op. cit., p. 13 f., 83 f., 193 f.

³⁷ О таких переселениях упоминают, в частности, Геродот (VII, 20), Страбон (XII, 8, 4) и др. В античной традиции была и версия о переходе фригийцев из Малой Азии в Македонию, см. Sandars N. K. Thracian, Phrygians and Iron.— In: Thracia, III, Sofia, 1976, p. 195—202.

³⁸ Дьяконов И. М., Герознак В. П. Очерк фригийской морфологии.— В кн.: Baltistica. 2 Priedas. M., 1977, с. 184. По мнению И. М. Дьяконова, самоназванием фригийцев могло быть Musai (там же).

³⁹ Barnett R. D. Ancient Oriental Influences on Archaic Greece.— In: The Aegean and the Near East. N. Y., 1956, p. 221 f.

⁴⁰ Young R. S. The Gordion Campaign of 1965.— AJA, 1966, v. 70, № 3, p. 276; см. также Bittel K.— In: Griechenland, die Ägäis und die Levante während der Dark Ages. Wien, 1983, S. 38 f.

в Греции в слоях «эгейского IIIС» периода⁴¹. Историческое содержание феномена этой керамики еще достаточно не выяснено.

Таким образом, наши возможности исторически и археологически идентифицировать неанатолийский компонент фригийского этноса Гордиона, каковым можно считать носителей фригийского языка, пока крайне ограничены. Но ситуация Гордиона подтверждает важное теоретическое положение о том, что перенос языка на новых носителей может происходить при очень малом количестве первоначальных носителей этого языка⁴², и что лингвистическая преемственность не адекватна преемственности культурно-исторической⁴³. Иными словами, выяснение происхождения носителей фригийского языка не исчерпывает проблему генезиса этноса, создавшего цивилизацию и государственность Гордиона докimmerийского периода.

Отсутствие в Гордионе следов разрушений, синхронных пожару Хатгусы и разрушению Бейчесултана, и то обстоятельство, что черная, сделанная без гончарного круга керамика сосуществовала здесь продолжительное время со значительно преобладавшими первоначально изделиями субхеттского периода (причем можно проследить, с одной стороны, постепенное вытеснение местной анатолийской керамики бронзового века, так называемой «хеттской», керамикой раннего железного века, а с другой — развитие этой последней от грубой, сделанной без гончарного круга, к монохромной полированной «фригийской»⁴⁴), позволяют расценивать появление носителей «грубой» керамики как «мирную и постепенную инфильтрацию»⁴⁵, в процессе которой пришельцы могли практически слиться с анатолийцами бронзового века задолго до того, как Гордион достиг расцвета в конце VIII в. до н. э.⁴⁶ Все это, как нам кажется, не дает основания постулировать вторжение в Гордион на рубеже II—I тыс. до н. э. многочисленных завоевателей извне.

Не следует преувеличивать и масштабы того исторического регресса, который якобы имел место в центре Анатолии на протяжении нескольких столетий после падения Хеттской державы. Отмеченный Р. Янгом факт, что пришельцы учились пользоваться гончарным кругом уже в Гордионе⁴⁷, может быть интерпретирован как косвенное указание на то, что уровень социального развития носителей «грубой» керамики (отождествляем мы их с носителями фригийского языка или нет) мог быть ниже, чем у местного анатолийского населения Гордиона. Но не эти «пришельцы», как уже отмечалось выше, определяли исторический облик Гордиона начала I тыс. до н. э., и археологические исследования данного центра не обнаружили здесь каких-либо признаков «кочевого» уклада в начале фригийского периода⁴⁸. Наоборот, следует подчеркнуть, что археологические материалы, полученные при раскопках столицы Гордиев-Мидасов, не укладываются в гипотезу, согласно которой период XII — IX вв. до н. э. был для Центральной Анатолии временем упадка и даже перерыва в развитии местной цивилизации⁴⁹.

⁴¹ French E., Rutter J. The Handmade Burnished Ware of the Late Helladic IIIС Period: Its modern historical context.— AJA, 1977, v. 81, № 1, p. 110 f.

⁴² Дьяконов. Типы этнических передвижений..., с. 14.

⁴³ Он же. Предыстория армянского народа..., с. 9.

⁴⁴ Young. The Gordion Campaign of 1965..., p. 276.

⁴⁵ Idem. Gordion..., p. 13. Примечательно, что и появление носителей «шишечной керамики» в Трое VIIб тоже не отмечено следами разрушений (*Blegen*. Op. cit., p. 167).

⁴⁶ Ср. Mellink M. J. Postscript on Nomadic Art.— In: Dark Ages and Nomads c. 1000 B. C. Istanbul, 1964, p. 63—64.

⁴⁷ Young. The Gordion Campaign of 1965..., p. 276.

⁴⁸ Idem. The Nomadic Impact.— In: Gordion..., p. 52—57; Köhler E. L. Phrygian Animal Style and Nomadic Art.— In: Dark Ages and Nomads..., p. 58—61; Mellink. Postscript on Nomadic Art, p. 63—70.

⁴⁹ На это обращали внимание в своих рецензиях на труды Э. Акургала, сторонника данной гипотезы, М. Меллинк и Р. Янг: Mellink M. J. Rev.: Akurgal E. Phry-

Таким образом, все вышесказанное побуждает видеть в генезисе государственности Гордиона первой половины I тыс. до н. э. закономерный этап развития самой анатолийской цивилизации, подготовленный ее предшествующей историей, прослеживаемой для долины реки Сангария (где, очевидно, следует искать район складывания Фригийского царства⁵⁰) по археологическим данным из Гордиона, Горной Фригии, Демирджи-Гююка, Бозююка, Полатли с III тыс. до н. э.⁵¹

Археологический материал, в значительной степени фрагментарный, позволяет предполагать, что именно в III тыс. до н. э. население, обитавшее в долине Сангария по меньшей мере с эпохи неолита (VI — V тыс. до н. э.), достигает стадии раннеклассового общества. Разведочные раскопы, заложенные в юго-восточной части цитадели Гордиона, показали, что здесь под слоями фригийского времени находилось меньшее по размерам поселение ранней бронзы. Укрепленное поселение круглой планировки (диаметром 70 м) обнаружено в Демирджи-Гююке. Его развитие в III тыс. до н. э. представлено 17 строительными фазами, причем последние 16 свидетельствуют о преемственности культурно-исторического развития, зафиксированной и в Гордионе. Хотя раскопана только часть поселения, уже сейчас можно говорить о том, что в период ранней бронзы в Демирджи-Гююке располагался центр развитого земледелия, производивший зерно и в таком количестве, которое превышало потребности его непосредственных обитателей. Об уровне развития производительных сил можно судить по найденным орудиям труда из меди и бронзы, а также по свидетельствам развития гончарного и других ремесел. Фактором, благоприятствовавшим прогрессивному развитию цивилизации Демирджи-Гююка, являлось, очевидно, его географическое положение на естественных торговых путях через Анатолию. Различия в размерах строений и особенности застройки крепости интерпретируются археологами как признаки, предполагающие социальную дифференциацию местного анатолийского общества. Высказано предположение, что укрепленное поселение Демирджи-Гююка III тыс. до н. э. могло входить в состав раннеклассового государственного образования, располагавшегося в районе между позднейшими Фригией и Вифинией⁵². Складывание раннеклассового общества археологически фиксируется на месте считавшихся впоследствии фригийскими центрами к востоку и югу от излучины Сангария⁵³.

Дальнейшее историческое развитие анатолийского населения территории будущей Фригии освещается, правда весьма неравномерно, архео-

gische Kunst. Ankara, 1955.— AJA, 1957, v. 61, № 4, p. 392—395; Young R. S. Rev.: Akurgal E. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander (1200—300). B., 1961.— AJA, 1964, v. 68, № 1, p. 73—74. Основание для критического пересмотра гипотезы Э. Акургала дают и археологические материалы, полученные на востоке от Коньи — в Поруке: Dupré S. Porsuk I. La céramique de l'âge du bronze et de l'âge du fer. P., 1983, p. 69 suiv.

⁵⁰ Определить территорию первоначального расселения носителей фригийского языка удается лишь приблизительно, опираясь на «фригийскую» топонимику на карте Малой Азии античного времени (см., в частности, Ruge W.— RE, XX, Sp. 781—867) и на географию находок «старофригийских» надписей. Но распространение последних, как, впрочем, и топонимы, объясняемые из фригийского языка, могут отражать не только процесс расселения носителей фригийского языка в начальный период их анатолийской истории, но и внешнеполитическое развитие Фригийского государства в конце VIII в. до н. э. С зоной формирования фригийского этноса ассоциируют территорию, где обнаружена монохромная «фригийская» керамика (см. Mellaart. Op. cit., p. 126). Но надо принять во внимание, что распространение этой керамики, курганных захоронений и «старофригийских» надписей не совпадают полностью между собой и с реконструируемыми по данным античной традиции границами Фригии.

⁵¹ Mellink M. J. Archaeology in Asia Minor.— AJA, 1971, v. 75, № 1, p. 166; 1976, v. 80, № 3, p. 267 f.; 1980, v. 84, № 4, p. 305, 505; 1985, v. 89, № 4, p. 553.

⁵² Demircihüyük. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975—1978. B. 1; Korfmann M. Architekture, Stratigraphie und Befunde. Mainz am Rhein, 1983, S. 242 f.; Mellink. Archaeology... — AJA, 1976, v. 80, № 3, p. 267 f.

⁵³ В частности, в районе Анкары: Mellaart J. The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia. Beirut, 1966, p. 148 f.

логическими находками, датируемыми II тыс. до н. э., в разных пунктах долины Сангария: в Битике, Ильдже, Демирджи-Гююке (слои средней бронзы), Афьоне, Полатли и, что для нас особенно важно, в Гордионе⁵⁴. Исследования на городище и некрополе последнего показали, что здесь на протяжении всего II тыс. до н. э. обитал этнос, который, судя по погребальному обряду (отсутствие кремации), отличался от собственно хеттов на востоке и населения Трои VI на западе Малой Азии. Примечательно, что материалы некрополя Гордиона позволяют, с одной стороны, предполагать преемственность населения II тыс. до н. э. местной культурно-исторической традиции эпохи ранней бронзы, а с другой — говорить о том, что современное хеттам население Гордиона включало в себя разные этнические компоненты, как восточно-, так и западноанатолийского происхождения⁵⁵.

Археологические данные о Гордионе II тыс. до н. э. делают вероятным предположение о том, что в хеттский период здесь мог располагаться достаточно крупный центр земледелия, ремесла и обмена, занимавший удобное положение над плодородной долиной, на торговой артерии, соединявшей Переднюю Азию с Эгеидой⁵⁶. Но судить о его социально-политическом облике по имеющимся археологическим материалам крайне сложно. Так, исследования на некрополе Гордиона хеттского времени прослеживают отраженное в погребальном инвентаре имущественное и социальное неравенство. Примечательны в этой связи погребения, где погребальные дары отсутствуют вообще. Но даже самые богатые захоронения Гордиона II тыс. до н. э., как отмечает М. Меллинк, не обнаруживают стремления к демонстративной роскоши⁵⁷, и обособление носителей государственной власти по данным погребального обряда в Гордионе дофригийского периода установить не удается. В то же время вероятно употребление иероглифической письменности здесь и в долине Сангария в целом во II тыс. до н. э.⁵⁸

Упоминание реки Sahiriya, отождествляемой с Сангарием, в хеттских клинописных текстах указывает на то, что хеттам была известна территория, прилегавшая к этой реке⁵⁹. Эта территория должна была входить в состав государственных образований Западной Анатолии, которые фигурируют в анналах хеттских царей, совершавших сюда походы. Гипотетично территорию будущей Фригии ассоциировали с Ассувой (Дж. Гарстанг), Арцавой (Р. Д. Барнетт) и другими упоминавшимися в хеттских текстах государствами II тыс. до н. э. на западе Анатолии. Но достоверное отождествление долины Сангария с теми или иными политическими образованиями Малой Азии хеттского времени пока не проведено.

Однако правомерно думать, что развитие малоазийской государственности к западу от Галиса шло во II тыс. до н. э. по тем же законам, что и в хеттском рабовладельческом обществе. Долина Сангария, таким об-

⁵⁴ Lloyd S., Gökçe N. Excavation at Polatly. — AnSt, 1951, 1; Mellink. Archaeology... — AJA, 1971, v. 75, p. 166; 1976, v. 80, p. 267.

⁵⁵ Mellink M. J. A Hittite Cemetery at Gordion. Philadelphia, 1956, p. 45 f.

⁵⁶ О том, что через долину Сангария проходили пути хеттов в Западную Анатолию см. в частности, Garstang J. Hittite Military Roads in Asia Minor. — AJA, 1943, v. XLVII, № 1, p. 40 f. По мнению Р. Янга, через Гордион проходил самый древний путь из Северо-Западной Эгеиды и от побережья Мраморного моря на восток (Young. Gordion... p. 9). Археологические находки близ Афьона свидетельствуют о том, что данный район был объектом интереса торговцев с Востока уже в период «Карум Iб», и указывают на значение во II тыс. до н. э. южного торгового пути, проходившего через Ковью и Афьон; см. Mellink. Archaeology... — AJA, 1976, v. 80, № 3, p. 267.

⁵⁷ Idem, A Hittite Cemetery at Gordion, p. 49.

⁵⁸ Güterbock H. G. Seal and Sealing in Hittite Lands. — In: From Athens to Gordion..., p. 51 f. О находках иероглифических надписей на территории Фригии см. Nilüfer Boysan, Marazzi M., Nowicki H. Sammlungs Hieroglyphischer Siegel. B. 1. Würzburg, 1983.

⁵⁹ См. об этом, в частности, Garstang. Hittite Military Roads..., p. 35 f.

разом, принадлежала государственным образованиям «номового» типа, которые, с одной стороны, служили объектом экономической, военной и дипломатической экспансии Хеттского царства в периоды усиления централизации последнего, а с другой, — стремясь противостоять давлению хеттов, периодически объединялись в более крупные территориальные образования. То, что участь Хаттусы и ряда других крупных центров Хеттского государства, разрушенных на рубеже II — I тыс. до н. э., миновала Гордион, должно было способствовать сохранению здесь основ местной государственности и ее дальнейшему развитию, модифицированному, как кажется, в незначительной степени появлением новых этнических компонентов.

Примечательно, что в Гордионе прослеживается не только постепенность перехода от «хеттского» поселения к фригийскому, но и установлено несколько фригийских строительных слоев, предшествующих культурному слою, который содержит следы пожара и разрушений, интерпретируемых как последствия «киммерийского» вторжения в начале VII в. до н. э., и соответствует периоду наивысшего внешнего и внутреннего расцвета Фригийского царства⁶⁰. Хотя установить соотношение этих ранних фригийских строительных слоев в абсолютной хронологии пока не удастся, сам факт их существования служит доказательством непрерывного и прогрессивного развития государственности Гордиона от позднехеттского времени до начала VII в. до н. э.

Поэтому не имеет под собой оснований гипотеза Дж. Г. Маккуина⁶¹ о том, что фригийцы античной традиции — это мушки, мигрировавшие в долину Сангария с востока (где они якобы обитали под властью Миты в верховьях Тигра и Евфрата еще во времена Саргона II) под давлением киммерийцев в самом конце VIII в. до н. э. Этнос, создавший фригийскую цивилизацию Гордиона, сформировался на рубеже II — I тыс. до н. э. на основе местного западноанатолийского субстрата. Фригийская государственность Гордиона не могла быть принесена извне ни с запада, ни с востока.

Умозрительным выглядит и мнение, согласно которому фригийцы Гордиона участвовали в разгроме Хеттской державы и представляли западную часть «империи фригийцев-мушков», охватывавшей в XI — IX вв. до н. э. всю Центральную Анатолию. Это мнение основано на произвольном отождествлении фригийцев (=носителей фригийского языка) с упоминаемыми в ассирийских клинописных текстах мушками не только конца VIII в. до н. э., но и времени Тиглатпаласара I. Не касаясь спорной проблемы о возможной лингвистической принадлежности мушков, упоминаемых восточными текстами, подчеркнем, что с фригийцами Гордиона правомерно соотносить, преимущественно по историческим соображениям, только мушков правителя Миты, известного из ассирийских документов конца VIII в. до н. э. Причина, по которой в ассирийских и других древневосточных источниках многозначным термином «мушки» обозначали Фригийское государство с центром в Гордионе в эпоху его расцвета при Мидасе, отождествляемом с Митой, связывается с предполагаемым самоназванием носителей фригийского языка (*Musai)⁶² и экспансией Фригийского государства на восток Малой Азии (в ходе ко-

⁶⁰ В частности, ниже Мегарона 9, синхронного с периодом, непосредственно предшествующим слою «киммерийских» разрушений, и расположенного к северо-востоку от городских ворот за внутренней городской стеной, обнаружено более раннее фригийское здание, которое, по мнению Р. Янга, могло быть одним из первых строений Гордиона фригийского времени (ниже его — только керамика хеттского периода). Здесь прослежено семь фригийских строительных фаз, предшествующих разрушению Гордиона в начале VII в. до н. э. (Young. The Gordion Campaign of 1965..., p. 275). Развитие фригийского города в докиммерийский период отражают также перестройки городской стены и ворот Гордиона (Young. Gordion..., p. 27).

⁶¹ Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983, с. 55.

⁶² См. прим. 38.

торой фригийцы долины Сангария могли вступить в контакт с обитавшими там мушками⁶³), но остается до конца не выясненной.

Состояние имеющихся источников не позволяет однозначно определить, насколько типична была ситуация Гордиона для генезиса фригийской государственности в целом, но кажется правомерным допустить, что значительная степень преемственности с локальными вариантами анатолийской цивилизации предшествующего периода имела место на всей территории, которую античные авторы именовали Фригией.

Невозможна пока и сколько-нибудь удовлетворительная реконструкция раннефригийской истории Гордиона. В частности, неясно его положение до VIII в. до н. э. среди других центров, где обитали носители фригийского языка в Малой Азии, и те конкретно-исторические причины, которые обусловили превращение Гордиона, очевидно при первых представителях воцарившейся здесь династии Гордиев-Мидасов⁶⁴, в столицу государства, которое первым в I тыс. до н. э. объединило в своем составе большую часть Анатолии. Но само это превращение надо иметь в виду при определении степени исторической адекватности той картины социально-экономического и политического развития фригийского общества во второй половине VIII — начале VII в. до н. э., основным и практически единственным источником воссоздания которой являются археологические материалы Гордиона.

Прежде всего следует подчеркнуть, что фригийский Гордион докimmerийского времени предстает перед нами как развитый архитектурный ансамбль, расположенный внутри хорошо укрепленной цитадели на холме, поднимающемся примерно на 15 м над окружающей местностью. Этот ансамбль состоит из нескольких серий мегаронов, разделенных внутренними городскими стенами⁶⁵. Примечательно, что, будучи одним из самых ранних памятников анатолийской урбанистики I тыс. до н. э., Гордион показывает несомненную преемственность с традициями западноанатолийского градостроительства III — II тыс. до н. э. и может рассматриваться как его органическое продолжение⁶⁶.

Для определения характера фригийского города и его места в структуре фригийской государственности⁶⁷ принципиально важно, что наход-

⁶³ О существовании государства мушков на юго-востоке Малой Азии см.: *Хазарадаг. Этнополитические проблемы...*, с. 27 сл.

⁶⁴ Об историчности этой династии см. *Моисеева Т. А.* Мидас как символ богатства в античной традиции. — ВДИ, 1984, № 4, с. 12—14. Анализ данных античной традиции о Гордионе как столице этой династии см. в статье: *Моисеева Т. А.* Царская власть у фригийцев (К интерпретации легенды о Гордиевом узле). — ВДИ, 1982, № 1, с. 122—123.

⁶⁵ План и описание докimmerийского комплекса, располагавшегося на главном городском холме Гордиона (500 × 350 м), см., в частности, в работе: *Young. Gordion...*, p. 5, 17, 23—42.

⁶⁶ На это указывает, в частности, мегаронная планировка зданий и техника возведения фортификационных сооружений фригийского Гордиона (*ibid.*, p. 31).

⁶⁷ Городской характер фригийской цивилизации, как представляется, нашел свое отражение в античной традиции начиная с «Илиады» (II, 400—401). Можно допустить, что по крайней мере часть городов Фригии, упоминаемых Геродотом (VII, 26—27, 30; VIII, 136) и другими античными авторами, существовала уже в VIII — начале VII в. до н. э. Представляют интерес для выяснения типологии фригийского города археологические материалы из Горной Фригии (*Haspels E. The Highlands of Phrygia. Sites and Monuments. V. 1—2. Princeton, 1971*). Новые перспективы для изучения фригийского города открывают раскопки турецких археологов близ поселения Венидоган (15 км к северо-востоку от Полатли), проводящиеся с 70-х годов. Здесь были обнаружены остатки монументальных фортификационных сооружений и других построек фригийского города, располагавшегося в 20 км от Гордиона и превышавшего Гордион по размерам. Культурные слои фригийского времени здесь не покрываются более поздними наслоениями эллинистического и римского периодов. Пять курганных захоронений расположено в окрестностях. Предполагают, что здесь существовал пока безымянный, но важный центр Фригийского государства (см. *Melink. Archaeology...* — *AJA*, 1973, v. 77, № 2, p. 179. f.; 1974. v. 78, № 2, p. 117; 1975, v. 79, № 3, p. 210; 1976, v. 80, № 3, p. 272).

ки, происходящие из культурного слоя рубежа VIII — VII вв. до н. э. на основном городище и из исследованных курганных погребений докimmerийского периода, свидетельствуют о Гордионе как значительном центре экономического развития, пункте сосредоточения прибавочного продукта, производимого в сельском хозяйстве и ремесле⁶⁸. Так, в помещении западной части цитадели (так называемые «Террасовое здание» и «Здание СС») были обнаружены следы хранения продуктов земледелия, в частности: кучи обуглившихся зерен пшеницы, ячменя, чечевицы, обуглившиеся фрагменты плетеных корзин, в которых хранилось зерно, приготовленное для обмолота, ямы, обмазанные глиной, и керамическая тара для хранения зерна или муки⁶⁹. Здесь же найдены орудия для обработки земли, зернотерки, ручные мельницы и печи, где выпекался хлеб⁷⁰. Засвидетельствовано также использование продуктов животноводства⁷¹.

Примечательно, что Гордион, как и другие известные фригийские центры в бассейне реки Сангария — районе в целом гористом, — располагался в небольшой аллювиальной равнине, удобной для земледелия⁷². Важно в этой связи, что археологические данные делают вероятным существование в докimmerийский период в непосредственной близости от основного городского холма Гордиона, на краю возвышенности, занятой некрополем, — поселения⁷³, входившего, очевидно, в орбиту хозяйственной и социальной жизни фригийской столицы. Возможно, жители этого поселения и обеспечивали цитадель Гордиона продукцией сельского хозяйства.

Археологические материалы убедительно свидетельствуют о том, что докimmerийский Гордион был местом сосредоточения разнообразных ремесленных изделий⁷⁴. Прежде всего обращает на себя внимание обилие обнаруженных предметов из металлов. Так, многочисленные бронзовые сосуды различного назначения, размеров и формы, а также бронзовые фибулы и другие изделия из бронзы найдены при раскопках цитадели и в погребальных камерах курганных захоронений докimmerийского периода⁷⁵. Основная их часть идентифицируется как продукция местного самобытного и весьма развитого металлообрабатывающего производства⁷⁶. Высокий уровень обработки бронзы у фригийцев косвенно подтверждается и тем, что фригийские изделия из бронзы имитировались и широко импортировались греческими городами Малой Азии, Эгеиды и Балканского полуострова⁷⁷.

Принципиально важно для определения характера фригийской государственности и ее экономической основы то, что в слоях докimmerий-

⁶⁸ Ср. Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии. — ВДИ, 1982, № 2, с. 3.

⁶⁹ Young R. S. Gordion Campaign of 1957: Preliminary Report. — AJA, 1958, v. 62, № 2, p. 147; 1964, v. 68, № 3, p. 285; 1966, v. 70, № 3, p. 269; 1974, v. 78, № 2, p. 117.

⁷⁰ Recent Archaeology Research in Turkey. — AnSt, 1974, 24, p. 31—33.

⁷¹ AJA, 1974, v. 78, № 2, p. 117; AnSt, 1974, 24, p. 31 ff.

⁷² Очевидно, и для Гордиона VIII—VII вв. до н. э. справедлива характеристика Фригии, данная Геродотом (V, 49), в которой подчеркивается ее богатство скотом и плодородие. Б. Даркот (География Турции. М., 1959, с. 27) отмечает, что район верхнего течения Сакарьи (= Сангарий) играет существенную роль в зерновом хозяйстве и современной Турции. Здесь же издавна разводят овец с тонкой и блестящей шерстью (с. 96—97).

⁷³ Young. Gordion..., p. 17—18.

⁷⁴ Young R. S. Gordion. Problems of Western Phrygia. — In: Le Rayonnement des Civilisations Grecque et Romaine sur les Cultures Périphériques. P., 1965, p. 481—485; De Vries. Op. cit., p. 33—50; Barnett. Ancient Oriental Influences..., p. 431 f.

⁷⁵ Например, только в погребальной камере так называемого «Кургана Мидаса» было обнаружено 169 бронзовых сосудов и 172 бронзовые фибулы (они изданы в работе: Young. Three Great Early Tumuli..., p. 102—171).

⁷⁶ Muscarella O. Phrygian Fibulas from Gordion. L., 1967; Young. Three Great Early Tumuli..., p. 219—249, 265 f.

⁷⁷ См., в частности, Birmingham J. M. The Overland Route across Anatolia in the Eighth and Seventh Centuries B. C. — AnSt, 1961, 11, p. 186—190.

ского Гордиона было найдено большое число изделий из железа ⁷⁸, которые, хотя и не поддаются пока точной датировке ⁷⁹, но могут считаться одной из самых ранних известных серий железных орудий, знаменующих реальное начало железного века ⁸⁰. Очевидно, в области металлургии железа фригийцы были непосредственными наследниками хеттов и лувийцев и, вероятно, сыграли определенную роль в распространении техники его обработки в соседних районах древнего мира ⁸¹. Во всяком случае обработка железа и широкое внедрение железных орудий может рассматриваться как экономический фактор расцвета Фригийского государства в VIII в. до н. э.

Имеются свидетельства высокого уровня развития в Гордионе докimmerийского времени и других видов ремесла: прядения и ткачества ⁸², деревообработки ⁸³ и строительного дела ⁸⁴, изготовления керамики ⁸⁵ и др. При этом важно подчеркнуть, что во всех видах ремесленной деятельности прослеживается преемственность предшествующей анатolianской традиции.

Археологические источники представляют нам докimmerийский Гордион и как крупный центр обмена, преимущественно внешнего, что было обусловлено, как отмечалось выше, выгодным географическим положением этого города на одном из основных торговых путей, соединявших Эгеиду с Востоком. Импорт, обнаруженный на городище и некрополе, говорит о преобладании торговых связей фригийцев Гордиона с государствами Восточной Анатолии, Северной Сирии, Кипром, Ассирией ⁸⁶.

⁷⁸ На городище докimmerийского Гордиона обнаружено свыше 130 предметов из железа, включающих и орудия труда, а также зафиксировано присутствие железной руды и шлака (*Young. Three Great Early Tumuli...*, p. 250).

⁷⁹ *Waldbaum J. C. From Bronze to Iron. The Transition from the Bronze Age to the Iron in the Eastern Mediterranean. Göteborg, 1978, p. 14.*

⁸⁰ *Селимжанов И. В., Иванов В. В. Металлы и сплавы древности. — В кн.: Всеобщая история химии. Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII века. М., 1980, с. 68; Иванов В. В. История славянских и балканских названий металлов. М., 1983, с. 45.*

⁸¹ В греческой мифологии первыми, кто начал обрабатывать железо, считались Идейские Дактили — фригийские служители Матери богов: Гельмис, Акмон и др. (*Strabo, X, 3, 22*). Предполагают, что эти мифологические представления своеобразно отразили факт фригийского влияния на развитие металлургии железа у греков (*Starr Ch. G. The Economic and Social Growth of Early Greece 800—500 B. C. N. Y., 1977, p. 83*; см. также *Sandars. Thracians...*, p. 195—202).

⁸² Обнаружены остатки тканей из льна, висевших на стенах и покрывавших мебель в Мегароне 3, фрагменты одежды и тканей, покрывавших кровати и стены в погребальной камере так называемых «царских» курганов. Большое число отвесов ткацких станков, веретена, железные ножи для обрезания нитей, остатки комков смотанных нитей были найдены в помещениях западной части цитадели докimmerийского Гордиона; см. *De Vries. Op. cit.*, p. 39. ff.; *Bellinger L. Textiles from Gordion. — In: Bulletin of the Needle and Bobbin Club, 1962, v. 46, p. 5—33; Boehmer R. M. Phrygische Frankgewänge des 8. Jahrhunderts v. Chr. Herkunft und Export. — Archäologischer Anzeiger, 1973, H. 2, S. 149—172, и др.*

⁸³ О том, что фригийцы Гордиона были искусными мастерами по обработке дерева, свидетельствуют деревянные погребальные камеры и фрагменты резной и инкрустированной мебели, найденные в захоронениях и мегаронах восточной части цитадели; см. *Young R. S. Phrygian Furniture from Gordion. — Expedition, 1974, v. 16, № 3, p. 2—13; Simpson E. Reconstruction of an Ancient Table. — Expedition, 1983, v. 25, № 4, p. 11—26.*

⁸⁴ *Young R. S. Phrygian Architecture and Construction. — Expedition, 1960, v. 2, № 2, p. 2—9; 1962, v. 4, № 4, p. 2—12.*

⁸⁵ См., в частности, *idem. Three Great Early Tumuli...*, p. 32 ff., 173 ff., 212 ff., 266.

⁸⁶ Так, в погребальной камере кургана Р были найдены керамический сосуд кипрского происхождения (Р 50), изделия из голубого египетского стекла (Р 46 и 47), стеклянная ваза ассирийского происхождения (Р 48). Импортом из Северной Сирии являются бронзовые котлы с изображениями бычьих голов из «Кургана Мидаса» (ММ 2 и 3), инкрустированная слоновой костью упряжь из «Террасового здания» (ТВ 2). Подробно см. *The Gordion Excavations. Final reports. V. 1. О контактах Гордиона с Востоком см. также Kenneth. Phrygian Painted Animals...* p. 169—198.

Контакты же с Западом в докиммерийский период фиксируются лишь недавно обнаруженными фрагментами греческой керамики, датируемой около 700 г. до н. э.⁸⁷ Но фригийский импорт был весьма популярен в греческом мире⁸⁸. К сожалению, мы фактически ничего не знаем об организации торговли в Гордионе. В этой связи интересна находка золотых слитков шаровидной формы без клейма, но определенного веса, побудившая Де Вриза высказать гипотезу о фригийской протомонете⁸⁹.

Существенно, что археологические исследования проливают свет на характер хозяйственной жизни Гордиона VIII — начала VII в. до н. э. Обращает на себя внимание в этом плане отсутствие на городском холме следов «нижнего» города⁹⁰, где обычно располагались кварталы ремесленников и торговая площадь. С другой стороны, примечательны две серии мегаронных сооружений, расположенные в западной части цитадели. Одна из этих серий — упоминавшееся выше «Террасовое здание» — состоит из девяти мегаронов, установленных в одну линию так, что два соседних имеют общую стену, а общая длинная стена всех девяти (ок. 100 м) отделяет западную часть цитадели от «дворцового» квартала на востоке⁹¹. «Террасовое здание» отделено улицей, на которую открываются все его мегароны, от зеркально сходного с ним «Здания СС»⁹², в котором открыто пока четыре помещения, хотя их число, возможно, равняется числу мегаронов «Террасового здания». Естественно предположить, что оба эти сооружения представляли единый комплекс, датируемый самой поздней строительной фазой докиммерийского Гордиона. Очевидно хозяйственное назначение данного комплекса, в помещениях которого, как мы отмечали выше, археологически фиксируется прядение и ткачество, обмолот зерна, приготовление пищи (выпечка хлеба и др.). Здесь же располагались кладовые, в которых хранились запасы сельскохозяйственных продуктов, орудия труда, а также изделия из бронзы и даже драгоценных металлов. Кажется, можно проследить дифференциацию помещений по видам хозяйственной деятельности, осуществлявшимся в них. Например, ткачество сосредоточивалось в мегароне 7 «Террасового здания» и мегароне 3 «Здания СС», обмолот зерна — в помещениях 5, 6, 7 «Террасового здания» и др.

По подсчетам Де Вриза, который исходил из размеров помещений, числа археологически определяемых рабочих мест и количества обнаруженных орудий труда, в рассматриваемом комплексе, исключая кладовые, могло одновременно работать около 300 человек⁹³.

Такие масштабы централизованной в пределах относительно тесной рабочей зоны хозяйственной деятельности, по мнению исследователей Гордиона, предполагают, что комплекс в западной части города был создан для удовлетворения потребностей дворца и гарнизона⁹⁴. Действительно, рассмотренный хозяйственный комплекс («Террасовое здание» и «Здание СС») примыкал к связанному с ним коммуникацией, но отделенному длинной стеной «Террасового здания» кварталу на северо-востоке цита-

⁸⁷ De Vries. Op. cit., p. 33.

⁸⁸ Фригийские изделия VIII в. до н. э. обнаружены как в греческих центрах Малой Азии (Смирне, Родосе, Самосе, Хиосе и др.), так и в Балканской Греции (Дельфы, Олимпия, Спарта и др.). См., в частности, Barnett. Op. cit., p. 429. О фригийском влиянии на греков см. также: Конейкина Л. В. Ориентализирующий стиль, предпосылки и особенности его формирования в восточноионийской Греции. — ВДИ, 1975, № 1, с. 103—116 и др.

⁸⁹ De Vries. Op. cit., p. 34.

⁹⁰ Young. Gordion..., p. 18.

⁹¹ О раскопках «Террасового здания» см.: AJA, 1958, v. 62, № 2, p. 145—147; 1960, v. 64, № 3, p. 240—243; 1962, v. 66, № 2, p. 164—167; 1964, v. 68, № 3, p. 285—286; 1966, v. 70, № 3, p. 267—278.

⁹² AnSt, 1974, 24, p. 31 f.

⁹³ De Vries. Op. cit., p. 40.

⁹⁴ К этому выводу пришел уже Р. С. Янг (AJA, 1966, v. 70, № 3, p. 271; 1968, v. 72, № 3, p. 238).

дели докиммерийского Гордиона. Этот квартал был изолирован внутренними городскими стенами. При незначительных следах хозяйственной деятельности размеры и интерьер размещенных здесь свободно стоящих мегаронов, среди которых наиболее крупными являются так называемый Мегарон 3 («дворец») и Мегарон 4 («храм»), создают, по выражению Де Вриза, впечатление богатства и роскоши⁹⁵ и позволяют идентифицировать этот квартал как «дворцовый»⁹⁶. Именно здесь должна была сосредоточиваться общественная, административная и, возможно, религиозная жизнь докиммерийского Гордиона и осуществляться его функционирование как центра государственности. А комплекс на западе цитадели, таким образом, археологически фиксирует и воплощает существование дворцового хозяйства как части государственного сектора экономики.

Определяя цитадель Гордиона как «резиденцию царя, бюрократии и гарнизона вместе с населением, обслуживавшим нужды дворца»⁹⁷, Р. С. Янг считал, что «рядовое население в основной своей массе должно было жить вокруг в сельской местности, возможно, приходя в город на ярмарки и укрываясь за его стенами в случае опасности»⁹⁸. Выживший тип поселения бронзового века, представлявший собой агломерат нескольких деревень вокруг убежища-дворца, видит в Гордионе докиммерийского времени Г. Ханфманн⁹⁹, который, пытаясь определить своеобразие фригийского города, приходит к выводу, что докиммерийский Гордион показывает большее сходство с центрами дворцовой экономики бронзового века и новохеттскими царствами, чем с торгово-ремесленными городами Финикии и Греции¹⁰⁰.

Нам представляется, что гипотеза, предполагающая известное типологическое сходство фригийского Гордиона VIII — начала VII в. до н. э. с дворцовыми центрами II тыс. до н. э., а также с царскими городами Восточной Анатолии начала I тыс. до н. э., имеет под собой историческое основание. Археологически фиксируемая непрерывность обитания на холме Гордиона, восходящая по крайней мере к III тыс. до н. э., о которой мы говорили выше, делает вероятным сохранение здесь традиций местной западноанатолийской государственности и городской культуры, что и объясняет типологическую преемственность фригийского города с центрами эпохи бронзы, а также его сходство с городами новохеттского мира.

Но говоря о Гордионе как элементе фригийской государственности докиммерийского времени, следует иметь в виду, что имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы относятся преимущественно к рубежу VIII — VII вв. до н. э., т. е. к тому периоду, когда этот город превратился в столицу крупного государства, объединившего долину Сангария и далеко вышедшего за ее пределы. Это обстоятельство не могло не сказаться на всех сторонах жизни Гордиона, свидетельством чему может служить, в частности, тот факт, что именно к позднейшей строительной фазе докиммерийского периода относятся сооружение вышеупомянувшегося хозяйственного комплекса и перестройка «дворцового» квартала, сопровождавшаяся увеличением его площади. Поэтому нам кажется правомерным предполагать, что наиболее характерные и отличительные черты фригийского города, отражающие своеобразие его исторического развития, должны были наиболее рельефно проявиться именно на заключительном этапе существования докиммерийского Гордиона.

⁹⁵ *De Vries*. Op. cit., p. 34 ff.

⁹⁶ *Young*. *Gordion...*, p. 31.

⁹⁷ *Ibid.*, p. 17.

⁹⁸ *Ibid.*, p. 31.

⁹⁹ *Hanfmann*. On Lydian Sardis, p. 102. По мнению М. Хэммонда (*Hammond M.* *The City in the Ancient World*. Cambr., 1972, p. 144), Гордион, подобно Богазкёю, возник как царская цитадель.

¹⁰⁰ *Hanfmann*. On Lydian Sardis, p. 107.

Пытаясь выявить эти черты, мы должны признать, что возможности достоверной реконструкции социально-политического развития фригийского общества по материалам Гордиона пока крайне ограничены из-за отсутствия оригинальных письменных источников, которые проливали бы свет на хозяйственную жизнь и социальные отношения Фригии VIII — начала VII в. до н. э. Так, мы не можем, основываясь только на археологических данных, конкретизировать классовое и социальное положение тех, кто играл основную роль в сельскохозяйственном производстве докиммерийского Гордиона, и с определенностью сказать, принадлежали обитатели земледельческого поселения, археологически фиксируемого поблизости от цитадели, к классу/сословию свободных производителей фригийского общества или были зависимым от дворца населением. Это же относится и к ремесленникам, изготовлявшим многочисленные предметы из бронзы и железа, керамику, инкрустированную деревянную мебель, ткани и др., обнаруженные на городище и некрополе, хотя наиболее вероятной кажется связь ремесленников докиммерийского Гордиона с государственным (=дворцовым) сектором. Трудно определить однозначно и социальный статус тех, кто принимал участие в сооружении грандиозных курганных погребений. Здесь мог применяться труд как зависимых людей, так и свободных граждан фригийского общества, выполнявших государственную повинность.

Но принципиально важно, что имеются основания предполагать существование в Гордионе конца VIII — начала VII в. до н. э. класса зависимых людей рабского типа, трудившихся, в частности, в упоминавшемся выше хозяйственном комплексе в западной части цитадели. Это могли быть, судя по приводимым Де Вризом аналогиям древних обществ Восточного Средиземноморья и Эгеиды II — I тыс. до н. э.¹⁰¹, как мужчины, так и женщины, занимавшиеся обмолотом зерна, выпечкой хлеба, прядением, ткачеством и пр. О несвободном характере их труда косвенно свидетельствует теснота и замкнутость рабочей зоны при относительно большой численности работников¹⁰². Примечательно, что археологические данные указывают, как кажется, и на то, что трудившиеся в «Террасовом здании» и «Здании СС» могли располагать некоторым досугом и в таком случае их эксплуатация носила в определенном смысле патриархальный характер¹⁰³. Основным источником пополнения эксплуатируемого населения докиммерийского Гордиона были, очевидно, пленные, захваченные во время военных походов, осуществлявшихся фригийцами, в частности, как сообщают ассирийские тексты времени Саргона II, на юго-восток Анатолии¹⁰⁴. Но, возможно, рабов также и покупали¹⁰⁵.

Облик «дворцового» квартала и курганные погребения с их гигантскими могильными холмами и погребальными камерами, которые по размерам и богатству интерьера приближались к реальным дворцовым покоем, вполне определенно указывают на наличие во Фригии VIII — начала VII в. до н. э. экономически и политически господствовавшего класса, присваивавшего значительную часть общественно полезного труда и производившейся в земледелии и ремесле продукции. Во главе этого класса

¹⁰¹ De Vries. Op. cit., p. 40.

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ Де Вриз в этой связи предполагает сходство археологически реконструируемой картины жизни в хозяйственном комплексе цитадели докиммерийского Гордиона с хозяйствами басилеев гомеровского эпоса (op. cit., p. 42).

¹⁰⁴ АВИИУ, I, 46, 47; II, 53.

¹⁰⁵ О продаже фригийцами рабов в Тир упоминал автор VI в. до н. э. Езекииль (Ез. 27 : 10—15). И. М. Дьяконов (Урарту, Фригия, Лидия..., с. 62) высказал предположение о том, что естественными поставщиками рабов во Фригию докиммерийского времени в обмен на фригийские товары могли быть греческие мореходы, которые, как и финикийские, занимались пиратством. Гесихий сохранил фригийский термин, обозначающий раба: ζεμελεν βαβαρον ανδραποδον. Φρύγες (*Нерознак*. Палеобалканские языки, с. 154).

фригийского общества должен был быть правитель, обозначавшийся у греческих авторов термином βασιλεύς¹⁰⁶, в ассирийских текстах — šar^{mat} muški, а в старофригийской надписи из «Города Мидаса» титулами *ванак* и *лавагет*, сходными с микенскими¹⁰⁷.

Важно подчеркнуть, что археологические материалы, полученные в Гордионе, дают возможность конкретизировать наши представления о характере власти фригийских царей. Так, рассмотренный выше хозяйственный комплекс цитадели докиммерийского периода является археологическим выражением экономической основы власти правителей, чьей резиденцией был Гордион. О военных функциях фригийских царей и роли военного сословия, которое нет никаких оснований отождествлять с всаднической знатью фригийцев-пришельцев из Европы, свидетельствуют изображения батальных сцен, обнаруженные в мегаронах «дворцового» квартала. Археологические данные позволяют предполагать, что фригийцы одними из первых в Передней Азии широко применили железное оружие¹⁰⁸ и конницу как род войска¹⁰⁹. Это, очевидно, и дало возможность фригийскому войску, состоявшему из пехоты¹¹⁰, комплектовавшейся, вероятнее всего, из рядовых фригийцев, и конницы, в которой служили представители знати, не уступать в боеспособности военным силам Ассирии и Урарту.

Геродот (1,14) упоминает о судебных функциях Мидаса. Но то обстоятельство, что в Гордионе (как и в Сардах) не обнаружен царский архив, хотя фригийская цивилизация обладала самой совершенной на древнем Востоке системой письма — алфавитной, которая по времени возникновения может быть сопоставлена только с древнегреческой¹¹¹, не позволяет сколько-нибудь конкретно охарактеризовать как фригийское судо-

¹⁰⁶ Ср. у Геродота:... μετὰ Μίδῳν τὸν Γορδιεὸν, φρυγίης βασιλεῖα (I, 14) и др. Античные авторы сохранили и еще один предположительно фригийский термин, обозначающий царя: bal(l)en (Voc. Masc.); см. *Нерознак*. Палеобалканские языки, с. 138 сл.

¹⁰⁷ *Lejeune M.* A propos de la titulature de Midas.— *Athenaeum*. Pavia, 1969, XLVII, p. 179—192 и др. М. И. Дьяконов склонен видеть в этих титулах очень раннее греческое влияние (Урарту, Фригия, Индия..., с. 62—63).

¹⁰⁸ *De Vries*. *Op. cit.*, p. 36.

¹⁰⁹ Изображения всадников в шлемах, вооруженных щитами и длинными копьями, на пластинах из дерева и слоновой кости были обнаружены в Мегаронах 3 и 4 (*Young R. S.* The Gordion Campaign of 1959.— *AJA*, 1960, v. 64, № 3, p. 240, pl. 60, fig. 25a—c; *idem*. The 1963 Campaign at Gordion.— *AJA*, 1964, v. 68, № 3, p. 287, pl. 89, fig. 22; *De Vries*. *Op. cit.*, p. 35, fig. 8). В одном из помещений «Террасового здания» (ТВ 2) найдены фрагменты из железа и слоновой кости от упряжи четырехлошадной колесницы, определяемой как северосирийский импорт (см. *Young R. S.* The 1961 Campaign at Gordion.— *AJA*, 1962, v. 66, № 2, p. 165—167; pl. 46—48, figs. 20—26). Бронзовое изображение квадриги и маленькая деревянная фигурка лошади происходят из «Детского царского захоронения» (= Курган Р): *Young*. Three Great Early Tumuli..., p. 9, 24—26 (Tum. P 40); p. 51 (Tum. P 106) и др.

¹¹⁰ Изображение «фригийского пехотинца» видят на черепице из Пазарлы (VI в. до н. э.) — *Akurgal*. Phrygische Kunst, Taf. 45—49.

¹¹¹ Происхождение фригийского алфавита и его отношение к древнегреческому остается пока не до конца выясненной проблемой. Так, по мнению Р. С. Янга, фригийский и греческий алфавиты возникли параллельно из общего финикийского квази-алфавита, существовавшего в Киликии и Северной Сирии (*Young*. Old Phrygian Inscriptions..., p. 252 ff.). Н. В. Хазарадзе высказала предположение, что фригийский алфавит восходит к уже сформировавшемуся раннегреческому, берущему начало в «примежноточном» архаическом греческом, который был распространен в VIII в. до н. э. на Эгейских островах, а также в Киликии и Северной Сирии (*Хазарадзе Н. В.* К вопросу о генезисе старофригийского алфавита.— Вопросы древней истории. Кавказско-ближневосточный сборник, В. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.), с. 86—96, с. 96—97 — русск. резюме). И. М. Дьяконов считает, что фригийский алфавит по своим внешним формам «почти полностью совпадает с некоторыми вариантами древнейших греческих алфавитов на побережье Малой Азии, и вполне возможно, что он заимствован отсюда, а не непосредственно у финикийцев» (Комментарий.— В кн.: *Гельб И. Е.* Опыт изучения письма. М., 1982, с. 305). См. также: *Lejeune M.* Discussions sur l'alphabet phrygien.— *SNEA*, 1969, 10, p. 19—47, и др.

производство, так и функционирование государственной администрации в целом ¹¹².

Если верить Геродоту (I, 14, 35, 45; VIII, 138) и другим античным авторам, которые, упоминая фригийских царей, называют имена их отцов, царская власть во фригийском государстве наследовалась по мужской линии. Косвенное подтверждение этого можно видеть, как кажется, в так называемом «Детском царском захоронении» Гордиона (Курган Р), датированном самым концом докиммерийского периода, в котором, судя по размерам насыпи и богатству погребального инвентаря, был погребен мальчик очень высокого социального статуса, возможно, царевич ¹¹³. Но не исключена, как показывает интерпретация сохраненного современниками Александра Македонского фригийского предания о происхождении династии Гордиев-Мидасов ¹¹⁴, и определенная роль женщины царского рода (царицы-жрицы) в передаче царского достоинства у фригийцев.

Анализ данных античной традиции в комплексе с эпиграфическими и археологическими источниками, как мы уже отмечали ранее ¹¹⁵, достаточно убедительно предполагает наличие сакральных функций у правителей докиммерийского Гордиона. Правда, храм в архитектурном ансамбле цитадели VIII — начала VII в. до н. э. четко не выделяется. В качестве такового могло служить одно из мегаронных зданий «дворцового» квартала, в частности Мегарон 4, как думал Р. С. Янг. Но многочисленные фригийские святилища известны в Горной Фригии, Пессинунте и т. д. В ряде случаев их существование могло восходить к дофригийской эпохе. Примечательно, что некоторые из них, как показывают данные фригийской эпиграфики и античной традиции, были связаны с именем правителя Гордиона — Мидаса ¹¹⁶.

Все вышесказанное свидетельствует о преимущественно анатолийском характере и происхождении института царской власти у фригийцев ¹¹⁷. Имеющиеся источники, таким образом, не дают оснований отождествлять фригийских царей и господствующий класс фригийского общества в целом со всаднической знатью воинственных пришельцев. Не служит аргументом в пользу последнего, как мы отмечали выше, и присутствие на некрополе докиммерийского Гордиона курганных погребений, ассоциируемых с фригийскими царями (W, K-III, P, K-IV) ¹¹⁸. Действительно, их

¹¹² К сожалению, старофригийские надписи из Гордиона и других мест Фригии кратки по содержанию и дают очень скудную историческую информацию. Поэтому на их основании трудно составить правильное представление о степени применения буквенной письменности в социально-политической жизни фригийского общества докиммерийского периода. Хотя, в частности, дипломатические контакты Фригии с Ассирией и государствами Юго-Восточной Анатолии и Северной Сирии, зафиксированные источниками, подразумевают не только обмен послами, но и письменными посланиями. Возможно, алфавитная письменность только входила в употребление у фригийцев на рубеже VIII—VII вв. до н. э., а до этого они пользовались лувийской иероглификой (Дьяконов, Комментарий, с. 305) или писали основную массу текстов на каком-то непечном писчем материале, например, как предполагает Р. Барнетт (op. cit., p. 433), на покрытых воском табличках (из дерева?).

¹¹³ Young. Three Great Early Tumuli..., p. 10.

¹¹⁴ Моисеева. Царская власть..., с. 127.

¹¹⁵ Она же. Мидас..., с. 28—30.

¹¹⁶ Особенно интересно в этом плане культовое сооружение из «Города Мидаса» со старофригийской надписью, упоминающей Мидаса.

¹¹⁷ На это указывает и тот факт, что правитель Фригийского царства со столицей в Гордионе Мидас носил дофригийское имя, упоминавшееся применительно к царю Паххуву в хеттских текстах XIII в. до н. э. Возможно, типологическую близость характера власти фригийских царей докиммерийского времени к статусу ахейских правителей предполагает и обозначение микенскими титулами Мидаса в вышеупомянутой надписи.

¹¹⁸ О курганах K-III, K-IV см. Körte G., Körte A. Op. cit., S. 39—104; о курганных погребениях W, MM, P см. Young. Three Great Early Tumuli... В «Заключении» к последнему изданию М. Меллик, выражая точку зрения археологов Пенсильванской экспедиции, пишет, что изучение курганных погребений на некрополе Гордиона указывает на их принадлежность представителям «привилегированных классов: или знати, или членам правящей семьи» (с. 263).

гигантские насыпи и наполненные предметами роскоши погребальные камеры предполагают столь значительные материальные и трудовые ресурсы, что располагать ими могли только лица, занимавшие самую высокую степень в социальной иерархии фригийского общества.

Относительная хронология «царских» курганов Гордиона, самый ранний из которых (W) датируется приблизительно рубежом IX—VIII вв. до н. э., а наиболее поздние (MM, P) относятся к концу докimmerийского периода (конец VIII — начало VII в. до н. э.), свидетельствует о том, что сооружение курганных погребений должно было отражать прогрессирующее развитие фригийской государственности, сопровождавшееся закономерным усилением царского единовластия. Последнее достигает своего апогея, как кажется, лишь в последней трети VIII в. до н. э., воплощением чего может служить погребение MM, условно идентифицируемое с Мидасом I. Примечательно, что по размерам курганной насыпи и площади погребальной камеры оно более чем в два раза превышает другие, даже наиболее крупные «царские» захоронения Гордиона (W и K-III). Предполагают, что ребенок, погребенный под курганом P, и неизвестный из захоронения K-III могли быть современниками и родственниками царя, для которого был построен «Курган Мидаса» (MM), а в кургане W погребен правитель, принадлежащий к старшему поколению¹¹⁹.

Таким образом, археологические материалы некрополя Гордиона подтверждают слова И. М. Дьяконова: «Расцвет Фригии при Гордии и при Мидасе, сыне Гордия, был быстрым и блестящим»¹²⁰. Это, возможно, и объясняет ту демонстративную расточительность погребального обряда, которую позволяли себе правители докimmerийского Гордиона, спеша, очевидно, утвердить исключительность своего статуса не столько в глазах рядовых фригийцев, получавших простые ингумации, сколько по отношению к фригийской знати¹²¹.

Содержанием же кажущегося внезапным подъема в развитии фригийской государственности следует считать превращение Гордиона из центра номового государства в столицу крупного территориального царства. Границы этого царства на рубеже VIII—VII вв. до н. э. можно реконструировать лишь предположительно, но, судя по данным античной традиции и географии размещения памятников археологии и эпиграфики¹²², Фригийское государство эпохи его расцвета достигало на северо-западе побережья Мраморного моря, на западе политическое влияние фригийских царей простиралось на Трояду и Мисию и, возможно, на Долию¹²³ и Лидию¹²⁴, на юго-западе и юге территория Фригии включала район Келен и достигала границ Ликии¹²⁵. К востоку от Анкары фригийское присутствие фиксируется за Галисом, а археологические находки в Конье, в совр. Голлудаге, Порсуке (около Нигдэ) и Тепебаглари в сочетании со старофри-

¹¹⁹ Ibid., p. 272.}¹

¹²⁰ Дьяконов. Урарту, Фригия, Лидия..., с. 61.

¹²¹ Интересно, что в период после возрождения Гордиона, разрушенного киммерийцами, курганные насыпи, правда меньших размеров, широко распространяются над погребениями разных типов, в том числе и над новыми для Гордиона кремациями (см. Köhler E. L. Cremations of the Middle Phrygian Period at Gordion.— In: From Athens to Gordion..., p. 65—90), содержащими богатый инвентарь, включающий и изделия из золота, не известные в курганных захоронениях докimmerийского периода. Возможно, в этом следует видеть своеобразное отражение упадка центральной власти правителей, резиденцией которых в VIII — начале VII в. до н. э. был Гордион.

¹²² Систематизацию данных о географических пределах Фригии см., в частности, у Р. Д. Барнетта (op. cit., p. 419).

¹²³ Косвенно на это указывают сообщения античных авторов о связях Мидаса с царской семьей эолийского города Ким. См. их интерпретацию в статье: Huxley G. L. Titles of Midas.— In: Greek, Roman and Byzantine Studies, 1959, 2, p. 94, ff.

¹²⁴ Археологические свидетельства о фригийском влиянии в Сардах см.: Hanfmann. Sardis from Prehistoric to Roman Times, p. 33, 82; Muscarella O. W. Phrygian or Lydian?— JNES, 1971, v. 30, № 1, p. 49—63.

¹²⁵ См., в частности, Mellink. Local, Phrygian and Greek Traits..., и др.

гийской надписью, упоминающей Мидаса, из Тианы свидетельствуют о фригийском влиянии на территории к югу и юго-востоку от излучины Галиса¹²⁶. Это согласуется с сообщением ассирийских источников времени Саргона II о том, что в этот период царство Миты Мушкского граничило с Табалом¹²⁷.

Столь значительное государственное образование не могло не оказать заметного влияния на внешнеполитическую историю Малой Азии рассматриваемого периода. Действительно, Мита Мушкский, отождествляемый с Мидасом, фигурирует в ассирийских источниках между 717—709 гг. до н. э., а если допустить датировку так называемого «Нимрудского письма» временем Тиглатпаласара III, то и ранее¹²⁸. Обычно эту информацию интерпретируют в связи с характеристикой ассирийского вторжения в Восточную Анатолию, экономической причиной которого было стремление Ассирийской мировой державы обеспечить себе доступ к источникам металлов и важнейшим торговым путям¹²⁹.

Но ассирийские тексты конца VIII в. до н. э., сообщающие о дипломатической и военной активности Миты/Мидаса в данном регионе, свидетельствуют о том, что столкновение Ассирии с Фригией (мушками) было обусловлено не только ассирийским давлением, но и очевидным стремлением фригийских царей утвердиться на юго-востоке и востоке Анатолии. Тот факт, что почти все государства, расположенные здесь, устойчиво ориентировались на союз с Фригией в борьбе против Ассирии в период наивысшего могущества последней при Саргоне II¹³⁰, убедительно говорит о высоком престиже Фригийского государства и его значительном военном и экономическом потенциале.

Как серьезный противник воспринималось царство Миты, очевидно, и самой Ассирией. Не случайно Саргон II строил крепости на границе с государством мушков¹³¹ и поспешил превратить царства Восточной Малой Азии и Северной Сирии в ассирийские провинции. Но примечательно, что и после этих мероприятий, а также после временного принуждения Миты к выплате дани власть ассирийцев в интересующем нас районе оставалась непрочной¹³². О военно-политическом значении Фригийского царства свидетельствует и упоминавшееся «Нимрудское письмо», из которого следует, что мирные отношения с Митой Мушкским воспринимались Ассирией как желательные и выгодные¹³³. Иными словами, Фригию следует рассматривать как крупную силу, определявшую в конце VIII — начале VII в. до н. э. наряду с Ассирией и Урарту внешнеполитическую ситуацию на востоке Малой Азии.

Но принципиально важно, что военные и дипломатические действия фригийских царей в Юго-Восточной и Восточной Анатолии могут быть объяснены как обусловленные потребностями экономического и социального развития Фригийского государства рубежа VIII—VII вв. до н. э., рассмат-

¹²⁶ *Pelon Olivier*. Rapport préliminaire sur la première campagne de fouilles a Porsuk-Ulukisla. — Syria, 1970, XLVII, p. 284; 1972, XLIX, p. 313; *Mellink M. J.* Midas in Tuana. — In: Florilegium Anaticum. Ed. E. De Boccard. Mélanges E. Laroche, 1979, p. 249—257; *Dupré*. Porsuk I..., и др.

¹²⁷ АВИИУ, II, 53. По размерам своей территории, включавшей районы с различными анатолийскими культурами II — начала I тыс. до н. э., Фригийское государство может быть сравнимо только с Хеттским царством; ср. *Metzger*. Op. cit., p. 36.

¹²⁸ *Postgate J. N.* Assyrian Texts and Fragments. — Iraq, 1973, 35, p. 21 ff.; *Mellink*. Midas in Tuana, p. 249.

¹²⁹ *Баццеза С. М.* Борьба Ассирии и Урарту за Сирию. — ВДИ, 1953, № 2, с. 17 сл.; *Дьяконов*. Предыстория армянского народа, с. 163—168; *он же*. Урарту. Фригия, Лидия..., с. 46 сл.; *Barnett*. Op. cit., p. 42 ff., и др.

¹³⁰ *Naster P.* L'Asie Mineure et l'Assyrie aux VIII^e et VII^e Siècles av. J.-C. Louvain, 1938, p. 29, f.; *Дьяконов*. Малая Азия и Армения..., с. 97, и др.

¹³¹ АВИИУ, I, 46 (178).

¹³² В частности, Асархаддон с тревогой запрашивал оракул о действиях Миты — АВИИУ, II, 68.

¹³³ *Postgate*. Op. cit., p. 21—34.

риваемого как рабовладельческое. Так, одной из причин фригийской экспансии на Восток было, очевидно, стремление к залежам металлов, диктовавшееся развитием металлургии в докиммерийском Гордионе, о котором убедительно говорят приведенные археологические данные. Уместно предположить, что фригийские правители желали обеспечить себе преимущества на территории, по которой проходили важнейшие сухопутные пути из Передней Азии в Эгеиду, а также обосноваться в портах Киликии. Ассирийские тексты, в частности, сообщают о захвате Митой трех укрепленных городов в Куэ, возвращенных Саргоном II около 715 г. до н. э.¹³⁴ Существенным стимулом походов фригийских царей следует считать и захват пленников, становившихся зависимыми людьми рабского типа различных категорий, например, работниками хозяйственного комплекса докиммерийского Гордиона.

Таким образом, можно думать, что Фригия рубежа VIII—VII вв. до н. э., в относительно короткий срок достигая расцвета как крупное территориальное царство, делала попытки овладеть основными доступными рабовладельческому обществу экстенсивными источниками получения прибавочного продукта. Иными словами, в развитии Фригийского государства докиммерийского периода можно констатировать намечавшуюся тенденцию превращения в «мировую» державу¹³⁵.

Этим, очевидно, объясняются и противоречивые взаимоотношения Фригии с Урарту. Необходимость противостоять ассирийской агрессии побуждала оба государства к временным союзам¹³⁶, но стремление господствовать на «железном» пути порождало антагонизм, в котором обе стороны пытались, помимо прочего, использовать новый фактор международной жизни Передней Азии — киммерийцев. В результате спровоцированное Урарту при Русе II нападение киммерийцев на Гордион¹³⁷ положило конец политической гегемонии Фригийского государства в Малой Азии¹³⁸.

Данные античной традиции и археологии о связях Мидаса с Эолией и греческим миром в целом свидетельствуют, как кажется, и о западном направлении экспансии Фригийской державы рубежа VIII—VII вв. до н. э. — о попытках фригийских царей закрепиться на побережье Эгеиды.

Итак, Фригийское государство докиммерийского периода предстает перед нами как исторически закономерное продолжение анатолийской государственности предшествующего периода и в своей относительно краткой и неравномерно освещенной источниками истории позволяет проследить проявление основных закономерностей рабовладельческого общества на стадии перехода от ранней древности к развитой. История Фригийского государства с центром в Гордионе представляет интерес и как близкий в хронологическом и пространственном отношении, но типологически отличный от полисного вариант государственности древнего мира.

¹³⁴ АВИИУ, I, 46, 47, II, 53. На фригийское влияние в районе Кара-тепе указывают и изображения на рельефах; см., в частности, *Winter I. J. On the Problems of Karatepe: the Reliefs and their Context.* — *AnSt*, 1979, 29, p. 119, 141—143, 148.

¹³⁵ Дьяконов, Якобсон. Ук. соч., с. 7 сл.

¹³⁶ АВИИУ, II, 53, 54 (28).

¹³⁷ АВИИУ, II, 68д; Меликишвили Г. А. Некоторые вопросы социально-экономической истории Урарту. — ВДИ, 1961, № 4, с. 39; Дьяконов. Урарту, Фригия, Лидия..., с. 65.

¹³⁸ Упоминание Фригии в перечне зависимых от Ассирии стран при Ашшурбанапале (АВИИУ, II, 71) около 660 г. до н. э. отражает, видимо, ослабление Фригийского царства после киммерийского разгрома.

THE PHRYGIAN STATE IN THE EIGHTH
AND EARLY SEVENTH CENTURIES B. C.

T. A. Moiseyeva

The author undertakes a reconstruction, based for the most part on the archaeological material of Gordium, of the origins and fundamental characteristics of the economic and socio-economic development of Phrygia in this period. She concludes that by the Phrygians who created that state should be understood, not the people who came from Europe, but a complex ethnos formed by a long period of interaction with the local western Anatolian substratum. This conclusion is archaeologically fixed at Gordium, beginning with the III millenium B. C., along with other ethnic components, the bearers of the Phrygian language and new features of material culture. Typologically determinative for the economic development of Gordium, the most thoroughly studied model of a Phrygian city, is the palace economy, whose archaeological embodiment is the economic complex in the western part of the citadel. In the author's view the character of the social structure of Phrygian society in Gordium allows the conjecture that this was a slave society. Putting together the archaeological data with information provided by ancient authors, Assyrian texts and Phrygian epigraphy, the author is able to arrive at a definite perception of the power held by the rulers of Gordium and also to support her thesis that at the turn of the 8th to 7th centuries this city was the capital of the largest kingdom in Anatolia, possessed of a considerable military potential. Gordium was able, in competition with Assyria and Urartu, to carry out an expansion of its territory to the east and southeast, an effort stimulated by economic needs.
